

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАМКАХ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ
В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ*А. В. Гаврилова*CRIMINAL PROCEEDINGS COURTS IN TOBOLSK PROVINCE
FORMED DURING THE REIGN OF CATHERINE II*A. V. Gavrilova*

В данном исследовании характеризуется общее состояние судебной системы Сибири, сформированной в результате реализации губернской реформы 1775 г., в период правления Екатерины II на примере Тобольской губернии. Непосредственно анализируется уголовное судопроизводство, осуществляемое судами всех уровней Тобольской губернии, приводится классификация и статистика уголовных дел, находившихся в производстве судов, анализируются причины совершения некоторых уголовных деяний и субъектный состав ряда правонарушений.

The paper provides characteristics of the the general state of the judicial system in Siberia, formed as a result of the 1775 provincial reform during the reign of Catherine II, with the example of Tobolsk Province. The criminal proceedings pending in the courts of all levels of Tobolsk Province are analyzed, a classification and statistics of criminal cases heard in the courts is provided, the causes of committing certain criminal acts and subject structure of a number of offenses are analyzed.

Ключевые слова: суды Тобольской губернии, уголовное дело, преступление.

Keywords: Tobolsk Province courts, criminal case, crime.

Во второй половине XVIII в. в Сибири, в том числе и в Тобольской губернии, устанавливалась новая судебная система, основы которой были определены «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г.

Высшее судебное управление принадлежало Тобольскому и Пермскому генерал-губернатору, а с 1801 г. по 1822 г. – сибирскому генерал-губернатору, который и утверждал решения Тобольских палат уголовных и гражданских дел.

На уровне Тобольской губернии создавались Судебные палаты по гражданским и уголовным делам (апелляционно-ревизионные инстанции по делам населения, проживавшего на подведомственной территории), Губернский магистрат (апелляционная инстанция для горожан) и совестный суд (примирительный, по спорам между родственниками, преступлениям несовершеннолетних и делам о колдовстве).

Характеризуя реализацию губернской реформы 1775 г. в Сибири, отметим, что здесь, в отличие от европейской части России, промежуточные территориальные единицы – провинции упразднялись не сразу, а переименовывались в области либо округа, они продолжали существовать и в начале XIX в. [2]. Именно на этом, а не на уездном уровне, здесь в качестве судебных учреждений создавались верхние расправы, совестные суды и областные магистраты (прим. автора: выделялись Тобольская, Томская, Иркутская, Нерчинская, Охотская, Якутская, а до 1783 г. и Кольванская области).

Области подразделялись на уезды, на уровне которых создавались крестьянские суды – нижние расправы. На уровне городов в качестве судебной инстанции для горожан создавались городские магистраты.

Состав и деятельность судов, кроме Судебных палат, выстраивались по сословному принципу: горожан судили губернский (провинциальный) и городской магистраты, крестьян – верхняя и нижняя расправы.

Для надзора за лицами «разного звания», не относящимися ни к дворянам, ни к горожанам, ни к крестьянам, и не имевшим недвижимой собственности, в Тобольске создавались верхние и нижние надворные суды, которые ранее предусматривались лишь для столичных регионов.

Судебный надзор и надзор за законностью на уровне губернии принадлежал губернскому прокурору, а на уровне уезда – стряпчему.

Анализ деятельности судов Тобольской губернии позволяет сделать вывод о том, что большее число дел, рассматриваемых ими, было сугубо уголовного характера. Классификацию уголовных дел, рассматриваемых судами Тобольской губернии, можно представить следующим образом: преступления против имущества (46 %), против порядка управления и суда (34 %), против личности и жизни (11 %), преступления против нравственности (5 %) и, наконец, наименее распространенная группа должностных преступлений (4 %).

Среди имущественных преступлений выделялись кражи и грабежи. Как правило, эти преступления совершались беглыми колодниками, поселщиками (прим. автора: крепостные рабочие винокуренных заводов), поселенцами и, реже, крестьянами. Отметим, что кражи и грабежи составляли 90 % от всей массы имущественных преступлений. Кроме того, к этой же группе следует отнести преступления, связанные с неуплатой долгов [3] и растратой казенных денег [4], которые тоже имели место в Сибири. Внимание судебных инстанций к делу о неуплате налогов за продажу вина в тюкалинском питейном доме в каз-

ну цеховыми Ефимом и Осипом Ожеговыми не случайно: слишком типичным для губернии были подобные преступления [5]. Кроме того, к группе имущественных преступлений можно отнести поджоги, которые, как правило, совершались вследствие неосторожности [6].

В группе составов преступлений против личности и жизни выделялись такие правонарушения как убийство (составляли 90 % среди деяний данной группы), в том числе и покушение на убийство [1], а также избиение или «буйственные поступки», которые, впрочем, были явлением достаточно редким [7].

Причины убийства были самые разнообразные, в то же время, обращая внимание на данную группу деяний, хотелось бы отметить несколько дел, возникновение которых объясняется имеющимися предрасположенностями в обществе в данный период времени, в частности неприемлемость разводов, что и провоцировало в ряде случаев при наличии неприязни друг к другу у супругов совершение противоправных действий.

Так, 14 апреля 1804 г. Тобольской палатой суда и расправы уголовным департаментом в порядке ревизии слушалось дело о крестьянской женке Анне Наумовой, обвиняемой в убийстве своего мужа крестьянина Гавриила Наумова, об убийстве которого донес десятник Николай Маркин 13 февраля 1804 г. К десятнику в дом прибыл крестьянин Абрам Наумов, который рассказал, что отбывал к своему зятю Степану Бородавкину, а в это время в доме оставались его сын Гаврил с женою Анной, после того как он вернулся, то обнаружил мертвого сына, одетого в шубу, с изрезанными тайными удами, но жены дома не было. Жена Анна на допросе показала, что муж ее начал бить сковородником, а она, вырвав его у мужа, ткнула им в тайные уды, отчего он и помер, в чем она и призналась в Енисейском волостном правлении. Из показаний дела видно, что ненависть жены к своему мужу достигла таких размеров, что после нанесения ему смертельного ранения, она для достоверности еще пыталась его задушить, после чего хладнокровно ушла на вечеринку. В уездном суде Анна Наумова не отпиралась, все свои показания подтвердила. По приговору Тобольской палаты суда и расправы Анна Наумова была отправлена на вечную каторжную работу в Нерчинск [8].

Второе дело, вызванное также неприязненным отношением супруги к своему мужу, слушалось 19 апреля 1804 г. Тобольской палатой уголовного суда в порядке ревизии, по которому ясашной женке Ульяне Давыткиной вменялось намерение к отравлению ее мужа ясашного Тимофея Давыткина, а Марфе Талбановой и поселщице Василии Меркулове в наущении ее к отравлению и предоставлении Ульяне травы для опоения мужа. Тимофей Давыткин объявил, что он почувствовал у себя внутри сильную боль, после того как жена дала ему попить квасу, в который подсыпала какой-то травы. Ульяна показала, что гуляя с Марфой Талбановой, рассказывала ей, что муж ее постоянно бьет, а у Марфы спрашивала, не знает ли она какой отравы, чтобы мужа извести, а самой выйти замуж за другого. Марфа в свою очередь сказала, что

знает такую траву, сама испробовала на своем бывшем муже, которого извела. Через три дня Марфа предоставила Ульяне траву, которую она и подсыпала Тимофею в квас. Ко всему прочему в доме у Ульяны нашли другую траву, которую по ее показаниям она получила от поселщика Меркулова, так как собиралась после отравления своего мужа выйти замуж за Меркулова, с которым блудодействовала.

Тобольской палатой уголовного суда все трое участников были признаны виновными в намерении и попытке отравления Тимофея Давыткина и приговором отправлены в Иркутск на поселение [9].

Следует отметить, что убийства, как правило, совершались представителями непривилегированных сословий, однако, встречались и дела, где участниками преступления были даже представители судебного ведомства. Так, в частности на утверждение Тобольской Палаты уголовного суда в 1797 г. поступило дело об убийстве секретарем Томской нижней расправы Петром Назаровым подканцеляриста Дмитрия Лаврентьева [10].

В провинциальной чиновничьей среде имели место и должностные преступления – взяточничество, подлог документов. Так, следует упомянуть дела о взяточничестве старосты Тарского округа и его товарищей во время рекрутского набора, о должностных преступлениях, связанных с подлогом почтовым писарем Василием Поповым документов, о должностном преступлении копииста Тобольской управы благочиния Сафрона и его отца, отставного канцеляриста из Тобольска, Агея Морозова [11]. Случались и преступления с двойным составом преступления, типичными примерами которых были дело о взяточничестве и растрате погонных денег комиссарами г. Тобольска и дело «об отказе в препровождении беглого ссыльного в Тобольск сотником Яковом Завьяловым и десятником Павлом Сергеевым» [12].

Особое место занимали преступления против нравственности – будучи не очень распространенным явлением, они тем не менее обращали на себя внимание необузданностью страстей местного населения. Не спасала даже традиционная русская традиция - не выносить сор из избы: дела по обвинению в прелюбодеянии поселщика деревни Березовой Курганского округа Егора Никифорова и крестьянки Аграфены Петровой [13], по обвинению крестьянки деревни Бутырлиной Частоозерской волости Ишимского округа Арины Казанцевой в двоемужестве [14], о растлении крестьянином Веденской волости Курганского округа Варлаамом Полетаевым десятилетней крестьянки Ефросиньи Уфиной [15], о ссыльном села Иткареве, проживавшем в Туринского округа, задержанном за попытку растления малолетней [16], по обвинению крестьянина Курганского округа Ивана Лисицина в намерении кровосмешения со своими внуками [17] – получили широкую общественную огласку.

Дикие нравы в среде местного крестьянства также давали о себе знать – в делах по обвинению в скотоложестве имена чиновников отсутствуют, зато простых имен – в избытке: ямщик Ялуторовского округа Степан Пятателев, ямщик Туринского округа Спиридон Бурдуков, поселщик Ишимского округа Егора Каз-

мин, крестьянин Мостовской волости Курганского округа Родион Шмаков, крестьянин Тарского округа Прокопий Паластров [18].

Наиболее часто встречавшейся категорией преступлений против порядка управления и суда (72 % от всех дел данной группы) были побегии ссыльных колодников и крестьян. Очень часто бегство колодников, крестьян и поселенцев сопровождалось подделкой либо покупкой фальшивых документов, в том числе паспорта, иногда со сменой имени (в 20 % случаев). Но встречались в этой группе и дела, связанные исключительно с изготовлением фальшивых документов (дело о подделке фальшивых паспортов ямщиком Тюкалинского округа Андреем Криводановым [19], дело о выписке фальшивых паспортов солдатам и поселщикам командиром Тобольской гарнизонной артиллерийской команды Евдокимом Тарховым [20] – в последнем случае наблюдается двойной состав преступления: должностного и против порядка управления).

Кроме того, к этой группе можно отнести самые разнообразные противоправные деяния: дачу ложных показаний на суде крестьянкой деревни Чиркова, Гагарьвской волости Ишимского округа Марины Ивановой, муж которой, Иван Быков, якобы ранил ее ножом [21], уклонение от рекрутства крестьян Туринского округа Кайгорова, Хромцова и Мальшева [22], укрывательство тюменским мещанином Осипом Кузнецовым некоего Горбунова, беглого из Сибирского корпуса [23].

Особое место в группе преступлений против порядка управления занимали правонарушения, связанные с подделкой и распространением фальшивых ассигнаций. Анализ меморий Тобольской Палаты уголовного суда и Тобольского уездного суда позволяет сделать вывод о многочисленности таких правонарушений на территории губернии.

Так, 16 октября 1798 г. Тобольским уездным судом слушалось дело, поступившее из полиции, о фальшивой пятирублевой ассигнации, которую обменивал бывший донской казак Иван Голованов. В результате следствия выяснилось, что сначала эта ассигнация была у торгующего в мелочных лавках Бухарца Рабнина, который в свою очередь получил ее за торговлю от «разных людей», имен которых он не знал, затем эта ассигнация, в результате размена серебряных денег за покупку соли, перешла мещанину Петру Бронникову. Интересно, что о фальшивом происхождении ассигнации никто из подозреваемых лиц не знал. Суд решил предать дело о фальшивой ассигнации «воле божьей, пока впредь само объявится», а казака, мещанина и бухарца считать свободными, с предупреждением «впредь быть осторожными», но бухарцу возместить убытки в размере пяти рублей мещанину, а самому «на будущее быть аккуратнее с деньгами» [24].

Осторожность, однако, впоследствии проявил лишь один из перечисленных – мещанин Бронников. 8 января 1799 г. Тобольским уездным судом слушалось дело о фальшивой пятирублевой ассигнации, принесенной Бронниковым в Тобольское уездное

казначейство. По показаниям «дважды потерпевшего» он получил купюру от тобольского мещанина Николая Симакова, дальше же выстраивалась целая цепочка передачи фальшивой ассигнации: уроженец Екатеринбурга Айсманов – пономарь Дмитрий Надиллов – уроженец Вологодской губернии Харчевнин – помещик майор Яков Гаврилов – крестьянин Афанасий Дмитриев – квартирмейстером Родионовым – солдат Александр Уварова. Тут, увы, цепочка обрывалась: А. Уваров не смог ответить, как оказалась у него фальшивая ассигнация. По всей видимости, приближавшийся к состоянию умственного иступления суд предпочел поступить по прежнему образцу: дело о фальшивой ассигнации было передано «воле божьей пока впредь само объявится» [25].

В наше время, безусловно, и следствие, и суд более серьезно отнеслись бы к тому факту, что в двух аналогичных делах о фальшивых ассигнациях встречается одно и то же лицо, в XVIII столетии это было расценено как простое совпадение.

Анализ меморий палаты уголовного суда с решительными определениями по секретным делам об обнаружении фальшивых ассигнаций в 1816 – 1818 гг. показывает, что подделывались не только пятирублевые ассигнации, но и купюры других достоинств. Так, на ревизию за окончательным определением Тобольскому губернскому правлению поступали решения Тобольского уездного суда по делам об обнаружении у казака Козловского фальшивой 25-ти рублевой ассигнации, у тарского мещанина – 2-х рублевой фальшивой ассигнации, о найденных фальшивых ассигнаций ценностью 100 рублей, обнаруженных при взносе в Ялуторовское уездное казначейство в виде подушной подати [26].

Среди указанных случаев встречались не только дела об обнаружении, но и о подделке ассигнаций. В частности, суд рассматривал дело о подделке фальшивых ассигнаций тюменским мещанином Иваном Ковыловым, а тюменский же мещанин Владимир Шестаков за подобное деяние лишился ноздрей [27].

В целом анализ уголовного судопроизводства Тобольской губернии позволяет сделать вывод, что больший процент уголовных дел приходится на кражи, грабежи и разбои, совершенные беглыми крестьянами, поселенцами и колодниками. Этому потворствовали огромный процент ссыльнопоселенцев в общем составе местного населения, неспособность местных властей справляться с таким потоком, коррупция, проявлявшаяся в банальном разворовывании чиновниками тех денег, которые выделялись на устройство ссыльных. Бесконтрольность ссыльных, неумение и нежелание местных властей принимать в их отношении радикальные меры – все это приводило к массовым побегам, формированию разбойничьих шаек, общему росту уголовной преступности, а следовательно к росту загруженности судов уголовными делами. Представителям же власти оставалось лишь безвольно констатировать, что бродяжничество, воровство и разбой – это бич Сибири, с которым бороться невозможно.

Литература

1. Гаврилова А. В. Деятельность уездных судов и Палаты уголовного суда Тобольской губернии в начале XIX в. // Право и образование. 2014. № 2. С. 157 – 163.
2. Гаврилова А. В. Делопроизводство органов управления и суда Сибири в 1-й пол. XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11(37). Ч. 1. С. 47 – 52.
3. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 360. Оп. 1. Д. 233, 359.
4. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 1, 97, 278.
5. ГБУТО. Ф.360. Оп. 1. Д. 233. Л. 1-11.
6. ГБУТО. Ф. 360. Оп. Д. 6, 11, 32, 115 а, 243.
7. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 70.
8. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 286. Л. 55 – 56.
9. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 286. Л. 149 – 150.
10. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 250. Л. 1 – 19.
11. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 – 48; Д. 49. Л. 1 – 409; Д. 524. Л. 1 – 16.
12. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 235. Л. 1 – 29.
13. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 95. Л. 1 – 21.
14. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 171. Л. 1 – 14.
15. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 230. Л. 1 – 15.
16. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 106а. Л. 1 – 14.
17. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 268. Л. 1 – 11.
18. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 141. Л. 1 – 10; Д. 244. Л. 1 – 30; Д. 143. Л. 1 – 11; Д. 144. Л. 1 – 11; Д. 258. Л. 1 – 11.
19. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 246. Л. 1 – 13.
20. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 101. Л. 1 – 22.
21. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.
22. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 204. Л. 1 – 23.
23. ГБУТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 221. Л. 1 – 29.
24. ГБУТО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1 л. 5 - 5 об.
25. ГБУТО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1 л. 7 – 7 об.
26. ГБУТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 – 13; Д. 13. Л. 1.
27. ГБУТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 18. Л. 4, 5.

Информация об авторе:

Гаврилова Анжелика Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права КемГУ, 8(3842) 58-23-10, Angelika@kemsu.ru.

Anzhelika V. Gavrilova – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 05.02.2015 г.